

Э.Д. Фролов

Вместо предисловия: к 150-летию со дня рождения выдающегося исследователя социально-экономической жизни античности И.М. Гревса (1860–1941)

Стало традицией посвящать очередные «Жебелевские чтения» памяти одного из архегетов науки об античности, чей юбилей приходится на год, в который проводятся эти чтения. В нынешний год исполняется 150 лет со дня рождения замечательного петербургского профессора Ивана Михайловича Гревса, бывшего одним из зачинателей, наряду с И.М. Ростовцевым и М.М. Хвостовым, особого, нового, социально-экономического направления в русском антиковедении. Уместно будет открыть очередной выпуск альманаха «Мнемон», издание которого предваряет проведение «Жебелевских чтений», краткой заметкой о жизни и научном творчестве И.М. Гревса.

Иван Михайлович Гревс (1860-1941), происходил из старинного, хотя и не слишком знатного и не очень богатого дворянского рода¹. С детских лет его тянуло к словесности: он увлеклся чтением русских классиков и исторических книг. В те же годы зародился интерес и окрепли симпатии (в особенности под влиянием

¹ О Гревсе, помимо краткого, но содержательного пассажа в книге В.П. Бузескула «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в.» (ч. II, Л., 1931, с.210-212), есть специальные статьи его учениц О.А. Добиаш-Рождественской (в «Новом энциклопедическом словаре», т. XIV, 1913) и Е.Ч. Скржинской. Последняя, опираясь не только на свои личные впечатления, но и на собственноручные записи ученого – фрагменты его воспоминаний и обстоятельное введение, составленное им в конце жизни для нового издания его большого диссертационного труда, – написала великолепную, обстоятельную биографию своего учителя (см.: Скржинская Е.Ч. Иван Михайлович Гревс [биографический очерк] // Гревс И.М. Тацит. М.-Л., 1946, с.223-248 [цитируемые здесь рукописные материалы Гревса обозначаются соответственно как «Записи» и «Введение»]). – В последние годы изучением жизни и деятельности Гревса много занимался Б.С. Каганович, из работ которого для нас особенно важна следующая: Вокруг «Очерков из истории римского землевладения» И.М. Гревса // Политические

Франко-прусской войны 1870-1871 гг.) к Франции. Росту гуманитарного интереса содействовало обучение в классической гимназии, по окончании которой Гревс в 1879 г. поступил на Историко-филологический факультет Петербургского университета. В течение года он колебался в выборе специализации, одно время подумывал о новой истории Франции, но на втором курсе под влиянием профессора В.Г. Васильевского окончательно остановил свой выбор на истории средних веков. Скоро он погружается в изучение истоков европейского феодализма, и это приводит его к специальным занятиям историей переходного времени между античностью и средневековьем.

В 1883 г. Гревс окончил университет, получив золотую медаль за выпускное (кандидатское) сочинение «Римско-византийское государство в VI в. по новеллам Юстиниана и другим законодательным сборникам христианских императоров». Ввиду проявленных больших способностей к ученой деятельности он был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию.

После сдачи магистерских экзаменов, которая несколько затянулась, перед Гревсом открывается перспектива работы в университете, но прежде, летом 1889 г., он совершает первое свое заграничное путешествие. Его маршрут пролегает через Германию, Францию, Швейцарию, Австрию. Особенно сильны были его впечатления от любимых с детства Франции и Парижа, где он завел первые знакомства в западном ученом мире и окунулся в атмосферу всеобщего почитания великого мэтра – только что скончавшегося Фюстель де Куланжа. С трудами этого замечательного ученого, так много сделавшего в разработке фундаментальных проблем античной и средневековой истории (в частности, античной гражданской общины и генезиса феодализма), Гревс был знаком и ранее, теперь же он становится пылким почитателем Фюстель де Куланжа².

структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI-XVII вв.) / Под ред. В.И. Рутенбурга и И.П. Медведева. Л., 1990, с.198-216. Сравнительно недавно опубликована еще одна специальная работа, в которой много места уделено труду Гревса о римском землевладении: Бонгард-Левин Г.М., Ляпустина Е.В. Вячеслав Иванов и диссертация И.М. Гревса по истории римского землевладения // ВДИ, 2003, № 4, с.178-209.

² Свидетельством раннего увлечения Гревса творчеством знаменитого французского историка стал его историографический этюд «Новое исследование о колонате», посвященный исследованию Фюстель де Куланжа (ЖМНП, 1886, ноябрь, с.118-165, и декабрь, с.307-354). Позднее он был инициатором перевода и издания в России трудов Фюстель де Кулан-

По возвращении из заграницы, с января 1890 г. Гревс начал чтение лекций в Петербургском университете в качестве приват-доцента. Темой его первого лекционного курса была история государства и общества в период падения Римской империи. С 1892 г. Гревс начал читать лекции также и на Высших женских (Бестужевских) курсах.

Между тем подвигалась работа и над диссертацией. Стремясь проследить истоки феодальных отношений в Западной Европе, Гревс, под влиянием В.Г. Васильевского и по примеру нового своего кумира, Фюстель де Куланжа, углубился в изучение социально-экономической истории Римской империи «как почвы, на которой вырос средневековый строй»³. Прототипом средневековых баронов он полагал римскую знать времени Империи, а так как основой мощи и значения последней были их поместья, то темой диссертационного исследования стала история крупного землевладения в Риме – как частного, так и императорского.

В 90-е годы Гревс дважды побывал в длительных заграничных командировках (1890-1891 и 1894-1895), во время которых он усиленно работал в библиотеках Парижа и Рима, занимаясь сбором и изучением материалов для своей диссертации. В эти годы укрепляются его личные связи с французской школой: он завязывает знакомство с учениками Фюстель де Куланжа, выдающимися продолжателями его дела Полем Гиро и Камиллом Жюллианом, с другими крупными учеными, в частности, с известным исследователем римской социальной и духовной жизни Гастоном Буассье и специалистом по латинской эпиграфике Рене Канья. Такая преимущественная ориентация на французскую науку была необычной для русских специалистов по классической древности, как правило шедших в русле немецких традиций (исключением был разве что сам основоположник Петербургской исторической школы М.С. Куторга, высоко ставивший заслуги французской романтической историографии). Это признавал и сам И.М. Гревс, писавший позднее: «Среди всеобщих историков в России я – один из немногих – являюсь

жа: капитальной 6-томной «Истории общественного строя древней Франции» (СПб., 1901-1916), где, кстати, первые два тома посвящены римской Галлии, и уже упомянутой монографии «Римский колонат» (СПб., 1908). Первое издание открывается большой, проникновенно написанной статьей Гревса о французском ученом (т. I, с. VII-XXVII), и еще одну статью о Фюстель де Куланже он опубликовал в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (полумом 72, 1902, с. 936-944).

³ Гревс И.М. Введение // Скржинская Е.М. Указ. соч., с.235).

последователем французской, а не немецкой школы. И это связано с французскими симпатиями, выросшими у меня из самого детства (отзвуки Франко-прусской войны), а потом из увлечения мною книгами Фюстель де Куланжа по истории древней Франции, которые стали появляться во время моего студенчества, и из впечатлений моего первого путешествия в Париж»⁴.

С середины 90-х годов Гревсом публикуются в виде обширных журнальных статей отдельные фрагменты широко задуманного исследования по истории римского землевладения во времена Империи. Часть этих этюдов, посвященных развитию крупного частного землевладения, объединенных и изданных в качестве первого тома «Очерков из истории римского землевладения (преимущественно во время Империи)» (СПб., 1899), была представлена и защищена им в качестве магистерской диссертации (1900 г.). Второй том, где центральной темой должна была стать история императорского землевладения, автор намерен был в недалеком будущем представить в качестве следующей, докторской диссертации.

Магистерская диссертация И.М. Гревса – обширное, обстоятельное ученое сочинение. Оно открывается предисловием, где автор формулирует тему своего исследования. Он признается, что интерес к изучению социальной истории поздней античности ради, как далее неоднократно будет подчеркиваться, более глубокого понимания генезиса средневекового строя был внушен ему впервые его университетским наставником В.Г. Васильевским. Первоначальным его намерением было составить «полную историю аристократических классов в Римской империи» (с. XI-XII), но, по зрелому размышлению, он свел свою задачу «к разработке истории крупной земельной собственности в Риме, субъектом которой именно являлась и до конца оставалась знать» (с. XIII).

За этим следует обширное введение, где дается обзор исследований в области социально-экономической истории Рима и справедливо указывается на их недостаточность, на отсутствие, в частности, исчерпывающей разработки аграрных отношений в Римской империи. В представленном здесь обширном историографическом обзоре выделяется ряд пассажей, имеющих принципиальное значение. Это, в частности, указание на первостепенное значение трудов Фюстель де Куланжа (с. 22 слл.), который развил «концепцию о непрерывности исторического развития» и обосновал «тезис о глубине и продолжительности влияния форм и институтов общественного

⁴ Гревс И.М. Записи // Скржинская Е.Ч. Указ. соч., с. 233.

строя, которые сложились в римском мире, на дальнейшую эволюцию европейских государств». Изучение переходного времени от античности к средневековью привело французского ученого «к коренному обновлению вопроса о происхождении феодализма», а именно – «феодальное землевладение великолепно показано естественно развивающимся в тесном преемстве с аграрными формами и отношениями, вышедшими из римской империи». Как видно из труда Гревса, это положение Фюстель де Куланжа целиком было им воспринято и положено в основу собственного исследования.

Другой интересный пассаж касается воздействия на занятия экономической историей древности со стороны новейшей политэкономии (с.35 слл). Автор определенно признает, что «политико-экономические трактаты Карла Маркса и его крупных последователей, а затем вообще пышный современный расцвет экономической литературы, научной и публицистической, различных школ и партий, играли тут выдающуюся роль». Вместе с тем он обращает внимание на «замечающееся теперь крайнее увлечение историко-экономическими разысканиями или этюдами». Он подчеркивает односторонность гипотезы «экономического монизма» и в этой связи подвергает резкой критике недавно появившуюся книгу Н. Бельтова (Г.В. Плеханова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (СПб., 1895).

Гревс предвидит неизбежный крах материалистического монизма при столкновении его с подлинной исторической наукой: «Вряд ли может такая односторонняя доктрина устоять против глубокого и беспристрастного исследования прошлого». Признавая склонность современного человека к идее монизма, историк не исключает возможности его торжества в будущем, но тогда скорее в виде идеалистического, а не нынешнего, материалистического монизма. «Но в настоящее время, – заключает он, – во всяком случае историк принужден так или иначе допускать множественность действующих в истории и создающих процесс ее основных факторов». Для нас все эти рассуждения крайне интересны как первый пример реакции историка-классика на распространяющуюся в ученом мире доктрину марксизма, причем поучительно именно критическое восприятие этого социолого-философского учения, учет как сильных его сторон, так – и еще больше – опасных крайностей.

Завершалось введение несколькими общими методологическими положениями (с.51 слл.). Выразительно определяется не только предмет, но и задача предпринятого исследования: изучение римс-

кого землевладения важно «не только для познания истории римского мира, но и для уразумения связи между социальным строем древности и образованием государства и общества народов новой Европы», а более конкретно – для решения вопроса «об участии римских начал в эмбриогении средневекового строя».

Поясняется конкретный метод исследования – посредством отдельных самостоятельных этюдов, сосредоточенных на толковании какого-либо важного источника или на изучении какой-либо значимой (в данном плане) личности. Таких этюдов намечается четыре: 1) воссоздание общей картины римского землевладения при утверждении Империи по произведениям Горация; 2) история состояния крупного собственника – Т. Помпония Аттика; 3) общий очерк образования больших поместий в республиканское время и их распространения ко времени утверждения Империи; 4) организация латифундии на примере хозяйства Плиния Младшего. Два первых, уже опубликованные в виде журнальных статей, отобраны для издаваемого первого тома, третий, часть которого также была опубликована, и четвертый должны войти в следующий том.

Заключается введение еще одним важным указанием на общую историко-философскую установку автора: его намерением является изучение как избранного социально-экономического процесса, так и современного ему нравственного и умственного состояния людей, равно как и их взаимодействия, – иными словами, обеспечение в историческом исследовании единства социологического и антропологического подходов.

Основное содержание диссертации, состоящее из двух названных выше очерков о римском землевладении по Горацию и о состоянии Аттика, отличается полнотой привлечения и доскональностью анализа относящихся к теме материалов. В первом очерке обрисована общая картина земельных отношений в Риме к началу Империи. Автор приходит к выводу, что заглавной чертой здесь было торжество земельного магнатства, а оборотной стороной – упадок некогда многочисленного и сильного крестьянства. Что же касается того типа средних землевладельцев, который представлен самим Горацием, то слой этот был социально незначимым, поскольку составляющие его владельцы, как правило, являлись клиентами все тех же влиятельных магнатов (так, Гораций был клиентом Мецената). Во втором очерке на примере Т. Помпония Аттика показана трансформация земельной аристократии в Риме, а именно – как на фоне разложения и гибели значительной части старой

республиканской знати явилась к жизни новая ее поросль, более гибкая, сумевшая приспособиться и поладить с новым монархическим режимом, а позднее и подчинить его себе.

Завершается работа обширным теоретическим заключением. Здесь разъясняется своеобразие избранного автором научного метода, сутью которого является сочетание частных историко-филологических экскурсов, или, как он их теперь называет, индивидуальных этюдов, с общей социологической теорией, каковой для него служит концепция экономического развития Европы, предложенная немецкими политэкономами И.-К. Родбертусом и К. Бюхером.

В особенности К. Бюхер попытался представить весь ход экономического развития, в зависимости от уровня товарно-денежных отношений, как последовательную смену трех главных типов хозяйства. Первый тип представлен домашним, или ойкосным (от греческого *oikos* – «дом»), хозяйством, по сути дела замкнутым на себя и не нуждающимся в обмене. Этот тип господствовал в древности и в раннем средневековье (примерно до конца I тыс. н.э.). Второй тип – городское хозяйство, для которого характерен прямой обмен между производителями и потребителями, в особенности же – обмен между городом и примыкающей к нему сельской округой. Этот тип господствовал в пору развитого средневековья и до начала нового времени (примерно XI-XV вв.). Третий тип – народное хозяйство, когда развивается производство товаров для рынка, а самый рынок охватывает области новых больших государств и даже выходит за их пределы. Этот тип развивается с образованием обширных национальных государств, т.е. примерно с XVI-XVII вв.

Гревс принимает эту схему, и его не смущает видимое стремительное развитие товарно-денежных отношений в античном мире. По его мнению, первоначальные успехи товарных (он говорит – «капиталистических»), что в данном случае одно и то же) форм хозяйства в Риме носили поверхностный характер и длились относительно недолго. Торговля в древнем мире не отличалась размахом, там не сложилось самостоятельных значимых классов торговцев и ремесленников, а широкое использование труда рабов, особенно в крупных поместьях, оставалось преградой для развития товарного ремесленного и фермерского хозяйства. Напротив, при всех метаморфозах, которым оказалось подвержено крупное землевладение (в частности, в связи со сменой социального типа его носителей при переходе от Республики к Империи), оно до конца античности оставалось первенствующим, а

вместе с ним таким оставался и тот тип хозяйства, который оно представляло, именно – замкнутое ойкосное хозяйство. Пережив социальную смуту на грани старой и новой эры, вновь окрепнув и подчинив своему влиянию императорскую власть, земельное магнатство добилось большего: своим самодовлеющим способом хозяйствования оно разрушило постепенные связи, соединявшие воедино античный мир, и после падения Империи стало абсолютно господствующим слоем – феодальной знатью средневековья.

Мы так подробно остановились на обзоре труда И.М. Гревса, потому что он и в самом деле, по нашему мнению, представляет замечательное явление в истории русской науки всеобщей истории. Нам импонирует и самый метод индивидуальных этюдов, положенный в основу исследования, и фактическое богатство и скрупулезное изучение привлеченных материалов, и, наконец, проявленный автором интерес к новейшим социологическим теориям и попытка с их помощью дать общее истолкование социально-экономического развития позднеантичного, римского мира. Последнее – отрадное явление, свидетельствующее о том, что после длительного периода чисто источниковедческих и фактологических исследований (мы имеем в виду Ф.Ф. Соколова и его школу) русское антиковедение вновь обратилось к общему осмыслению исторического процесса.

Сказанное отнюдь не означает, что все одинаково устраивает нас в труде И.М. Гревса. Небезупречен стиль изложения: построение разделов – несколько рыхлое, фразы страдают многословием, встречаются неуместные в трудах такого рода лирические излияния. Но главное – достаточно спорны центральные теоретические положения. Заимствованные у Фюстель де Куланжа убеждение в эволюционности перехода от античности к средневековью и выведение истоков средневекового феодализма из недр Римской империи наталкиваются на очевидный разрыв в исторической жизни Европы в связи с великим переселением народов и варварским завоеванием, разрушившим до известной степени не только традиции античной городской жизни, но, что бы там ни говорили куланжисты, и укоренившуюся систему аграрных отношений. Достаточно напомнить в этой связи о смене этно-социального типа знати (к примеру, в Галлии – явление новой, франкской знати), о новой, в принципе, иерархии социальных отношений, о традициях общинного быта у массы варваров, расселившихся на землях рухнувшей Империи.

Еще больше сомнений вызывает принятие Гревсом схемы экономического развития, предложенной К. Бюхером, и соответствен-

ное истолкование экономического строя античности и, в частности, Римской империи как, по сути дела, замкнутого ойкосного хозяйства. «Между тем, – замечает в этой связи совершенно справедливо В.П. Бузескул, – теория Бюхера, включающего всю древность в период замкнутого, домашнего, “ойкосного” хозяйства, вызывает сильные возражения: она слишком прямолинейна; не считается с фактами, которые ей противоречат»⁵. Симпатии Гревса к теории Бюхера, возможно, имплицитно восходят к усвоенному от того же Фюстель де Куланжа представлению об античности как цивилизации *suī generis*, радикально отличавшейся от общества новой Европы. Но здесь, на наш взгляд, более прав Эд. Мейер, который подчеркивал существенное сходство античного и новоевропейского циклов развития по многим параметрам – и в духовной культуре, и в трактовке правовых норм, и, наконец, в развитии товарно-денежных отношений. Спор между сторонниками Бюхера и теми, кто пошел за Эд. Мейером, продолжается и по сию пору. Здесь, конечно, не место входить в его историю и детали, но наше предпочтение мы скрывать не будем: оно всецело на стороне противников Бюхера – Эд. Мейера и его последователя в России М.И. Ростовцева.

Как бы то ни было, диссертация И.М. Гревса стала замечательным явлением в научной жизни Петербурга и России. Она по достоинству, высоко (хотя и не без некоторых естественных в таких случаях оговорок) была оценена его официальными оппонентами Ф.Ф. Соколовым и Ф.Ф. Зелинским, чье авторитетное мнение подвело черту под публичным обсуждением нового труда.

Успешная защита диссертации открыла Гревсу путь к профессуре. В Петербургском университете, где он еще раньше занял место умершего В.Г. Васильевского (1899 г.), он был избран профессором по кафедре истории средних веков (1903 г.). Параллельно продолжалась его деятельность и на Высших женских курсах, где он также был профессором и даже – в течение многих лет – деканом Историко-филологического факультета.

Казалось, ученая карьера И.М. Гревса вполне определилась, однако очень скоро произошел досадный творческий срыв. В 1902 г. в журнале «Klio» немецкий исследователь Отто Гиршфельд опубликовал статью об императорском землевладении в Риме⁶, в которой в какой-то степени предвосхитил содержание задуманно-

⁵ Бузескул В.П. Всеобщая история... ч. II, с. 211.

⁶ Hirschfeld O. Der Grundbesitz der römischen Kaiser // Klio, Bd. II, 1902, H. 1, S. 45-72; H. 3, S. 284-315.

го Гревсом второго тома «Очерков из истории римского землевладения». Огорчение Гревса было столь велико, что он отказался от мысли продолжать далее свое исследование.

Порвав с античностью, он обратился к средневековью, сначала раннему, затем классическому, занимался различными темами – феодализмом во Франции, итальянскими городскими коммунами, культурой предренессанса (Данте), но, как представляется, нигде уже не добивался таких существенных результатов, как это было в области аграрной истории Рима.

Неудовлетворенность собственной научной работой толкала Гревса к погружению в педагогическую деятельность, к которой, впрочем, он всегда испытывал большое влечение. В университете он много занимался организацией специального медиевистического кабинета, приспособленного для самостоятельной научной работы студентов; с большой тщательностью разрабатывал и вел как в университете, так и на Бестужевских курсах специальные исторические семинары (или, как тогда говорили, семинарии); наконец, разрабатывал маршруты и проводил для своих учеников исторические экскурсии по городам Италии с тем, чтобы воочию познакомить их с памятниками западного средневековья. После Октябрьской революции, когда путешествия на Запад стали невозможны, он увлекся отечественным краеведением и специально – петербургским, став здесь основоположником оригинальной историко-культурной экскурсионной школы.

Все эти занятия, ценные сами по себе, отвлекали Гревса от большой научно-исследовательской работы. От антиковедения он, во всяком случае, надолго отошел, и только в конце жизни вновь пробудился в нем интерес к сюжетам, которые так захватывали его в молодые годы. В 1936 г. он получил предложение от Института истории АН СССР подготовить переиздание своих «Очерков из истории римского землевладения». С охотой вернулся он к теме своего большого диссертационного исследования и занялся его переработкой и расширением. Как когда-то и было задумано, труд должен был состоять из двух томов. Однако не существует никаких доказательств того, что Гревс довел работу по подготовке нового, полного издания своих «Очерков» до конца. В его рукописном наследии (оно хранится в Петербургском филиале архива РАН, фонд 726) имеется переработанный, сильно расширенный первый том (к очеркам о Горации и Аттике добавлены новые главы о Катоне, Сенеке, Петронии и Колумелле), но второго тома нет, и о предполагаемом составе его можно

судить только по общему, помещенному в начале первого тома, введению. По-видимому, Гревс не успел завершить работу над подготовкой нового издания «Очерков». Очевидно, большая часть времени ушла у него на написание дополнительных разделов для первого тома, а для второго тома им был составлен только этюд о Ливии, опубликованный в год его смерти⁷.

Такова судьба главного труда Гревса в области античной истории. Однако, как бы там ни было, этим трудом не исчерпывались антиковедные занятия Гревса. Посмертно была издана другая его книга – прекрасно написанная научно-популярная монография о Таците⁸. Гревс испытывал давнишний интерес и симпатию к творчеству великого римского историка. В своей книге он представил жизнь и литературную деятельность Тацита на широком историческом и культурном фоне, а в конце дал взвешенную оценку его трудам, свободную от крайностей как модной в новое время критики, обвиняющей римского историка в непонимании исторического процесса и положительного значения Империи, так и обветшалой прямолинейной апологии. Еще один персонаж римской истории, чрезвычайно привлекавший Гревса, – Августин. Жизнь и деятельность этого великого христианского философа, возросшего на античной почве, но возвещавшего истины нового времени, были темой исторического семинара, который Гревс вел на протяжении ряда лет (1912-1915 гг.). Свидетельством этого интереса к Августину осталась большая энциклопедическая статья, которая и по объему, и по содержанию, и по тональности далеко выходит за рамки своего жанра⁹.

И.М. Гревс прожил долгую жизнь, полную трудов на ученом поприще. Его фигура – одна из самых значимых и колоритных в истории русской гуманитарной науки. Особо надо подчеркнуть то обстоятельство, что он, как и С.А. Жебелев, был связующим звеном между старой классической наукой и новым, советским временем, которому оба они стремились передать верность высоким научным идеалам.

⁷ См.: Гревс И.М. Эпизод из истории развития земельной собственности римских императоров и ее социальной роли. Земельное состояние Ливии, второй жены Августа // Уч. зап. ЛГУ, серия историч. наук, вып. 12, 1941, с.27-45.

⁸ Гревс И.М. Тацит. М.-Л., 1946.

⁹ Гревс И.М. Августин // Новый энциклопедический словарь, т.1, 1911, с.127-150.